

ПРОЛОГ

19 ноября

Собравшуюся у камина компанию отличала одна особенность — все были правоведами, вернее, все в той или иной степени были служителями правосудия. Сию братию представляли здесь адвокат Мартиндейл, Руфус Лорд, заслуживший высшее звание королевского адвоката, и молодой Дениелс, сделавший себе имя на деле Карстайрза, а также судья Кливер Льюис из «Льюис и Тренч» и старый мистер Тревис. Мистеру Тревису было около восьмидесяти, но ему удалось сохранить к столь почтенному возрасту острый, живой ум и превосходную профессиональную память. Прежде он служил в известной конторе адвокатов и был одним из наиболее уважаемых представителей этой конторы. На его счету было множество полюбовных решений щекотливых судебных дел; он был криминалист высшего класса, а кроме того, знаток закулисных историй, и в этом отношении ему не было равных во всей Англии.

Легкомысленные люди поговаривали, что ему следовало бы написать мемуары. Но мистер Тревис был значительно мудрее. Он понимал, что знает *слишком* много.

Давно отойдя от дел, он уже не занимался частной практикой, но не было в Англии другого такого

человека, чье мнение столь же уважали все члены его же братии. Где бы ни раздавался его отчетливый, высокий и тихий голос, там всегда наступала почти-тельная тишина.

В этот вечер разговор в клубе шел об одном на-шумевшем деле, слушание которого как раз сегодня закончилось в Бейли. В результате этого процесса подсудимого, обвинявшегося в убийстве, признали невиновным. И собравшаяся у камина компания за-нималась тщательным критическим разбором дан-ного прецедента.

Обвинение сделало ошибку, слишком положив-шись на одного из свидетелей — служанку, тогда как старине Депличу следовало учесть, что ее показания открывают прекрасные возможности для защиты. Молодой Артур ловко этим воспользовался. А Бен-тмор в своей заключительной речи постарался дать объективную оценку и представить дело в истинном свете, но тем самым он только окончательно все ис-портил — присяжные поверили молоденькой слу-жанке. Надо сказать, что восприятие присяжных за-частую бывает исключительно странным — никогда не угадаешь заранее, на чью сторону они встанут, кому поверят. Но если уж у них сложилось опреде-ленное мнение, то убедить их в обратном практиче-ски невозможно. Итак, они поверили рассказу этой девушки, из коего следовало, что ломик не мог быть орудием убийства, и после этого дело можно было считать решенным. Заключение медицинской экс-пертизы оказалось выше их понимания. Все эти уче-ные молокососы с их заумными латинскими терми-нами и прочей научной тарабарщиной — чертовски плохие свидетели. Вечно мямлят да бормочут нечто неопределенное и никогда не могут ответить ни «да»

ни «нет» на, казалось бы, элементарный вопрос. Они вечно твердят одно и то же: «При определенных обстоятельствах это, возможно, могло иметь место...» — и так далее в том же духе.

Когда все участники разговора так или иначе высказались и их замечания уже переходили в свободную беседу, всем показалось, что недостает некоего компетентного завершения. И лица собравшихся у камина, одно за другим, обратились в сторону мистера Тревиса, поскольку тот еще не внес свою лепту в данное обсуждение.

Мистер Тревис сидел, удобно откинувшись на спинку кресла, и с рассеянным видом протирал свои очки. Наступившее молчание, видимо, настрожило его, и он, подняв голову, окинул присутствующих пристальным взглядом.

— Извините, я задумался, — сказал он. — Вы спросили меня о чем-то?

— Сэр, мы обсуждали дело Ламорна, — сказал молодой Льюис и выжидательно умолк.

— Да-да, — сказал Тревис. — Я как раз размышлял об этом.

В комнате воцарилась почтительная тишина.

— Но боюсь, — заканчивая полировку стекол, сказал мистер Тревис, — я слишком увлекся собственными фантазиями. Да, я позволил себе погрузиться в мир фантазии. Видимо, начинают сказываться годы. В моем возрасте человек обладает известными привилегиями и при желании может позволить себе пофантазировать.

— Да, сэр, конечно, — сказал молодой Льюис, но вид у него был несколько недоумевающий.

— Я размышлял не столько о процессуальных особенностях дела, — продолжал мистер Тревис, —

хотя они были интересными, исключительно интересными... И даже если бы суд вынес иной приговор, все равно остались бы серьезные основания для обжалования. Но, как я уже отметил, меня больше привлекал не сам процесс, а, скажем так, люди, причастные к этому делу.

Все собравшиеся смотрели на него с некоторым удивлением. Они привыкли рассматривать людей, имевших отношение к судебному расследованию, только с точки зрения правдоподобия их показаний, то есть как свидетелей. Никто из них не отваживался задаться вопросом, был ли обвиняемый на самом деле виновен или же суд, оправдав его, вынес верный приговор.

— Я задумался, знаете ли, о человеческой природе, — медленно сказал мистер Тревис, — о человеческой сущности во всем многообразии ее видов, родов и форм. Отдельные индивидуумы обладают изрядными умственными способностями, но преобладающее большинство обходится без оных. Итак, они спокойно живут в разных уголках нашей планеты — в Ланкашире, Шотландии или иных землях, — как небезызвестные вам владелец рестораника из Италии и школьная учительница из маленького городка на Среднем Западе. Все они попали в расставленные сети, стали участниками или свидетелями некоего преступного замысла, и в итоге в один из серых ноябрьских дней судьба свела их вместе в зале лондонского суда. Каждый внес свой вклад, сыграл свою маленькую роль в этом деле. И кульминацией стал суд над убийцей.

Он немного помолчал, пальцы его беззвучной барабанной дробью прошлись по колену.

— Мне нравятся ловко закрученные детективные

истории, — сказал он. — Однако, знаете, на мой взгляд, все они имеют один недостаток. Они начинаются с убийства! Но убийство — это, в сущности, конец... Ведь история преступления начинается намного раньше — порой подготовка к нему длится многие годы, и в итоге определенные причины и события сводят известных людей вместе в известном месте в известное время и в известный час. Возьмем, к примеру, показания юной служанки — если бы эта судомойка не поссорилась со своим кавалером, то она не отменила бы свидание и не отправилась бы к Ламорну, а следовательно, и не могла бы стать главным свидетелем защиты. Далее идет Джузеппе Антонелли, приехавший на месяц из Италии, чтобы пообщаться со своим братом. Этот брат слеп, как летучая мышь, и он не смог бы увидеть того, что увидели зоркие глаза Джузеппе. Наконец, если бы констебль не любезничал с той кухаркой из сорок восьмого номера, то не опоздал бы на свой участок...

Мистер Тревис слегка кивнул головой, словно соглашался с собственными мыслями.

— Все сходится в некоем данном месте... И затем, когда наступает нужный момент, — наносится завершающий удар. Это и есть час атаки. *Черный час*. История приобретает иную точку отсчета. Как перед запуском: три, два, один, ноль — старт. И в нулевой точке все участники драмы сходятся вместе... Да, именно в нулевой точке... — повторил он и умолк, слегка вздрогнув.

— Вы замерзли, сэр, подвигайтесь ближе к огню.

— Нет, нет, — сказал мистер Тревис. — Просто, как говорится, дрожь пробирает. Пожалуй, пора мне отправляться домой.

Он слегка склонил голову в знак прощания и с

осторожной, старческой неторопливостью вышел из комнаты.

После его ухода в маленькой гостиной ненадолго установилось смущенное молчание, и затем королевский адвокат Руфус Лорд заметил, что старина Тревис начал сдавать.

Сэр Уильям Кливер сказал:

— Острый ум... исключительно острый ум... Но, увы, возраст уже сказывается.

— К тому же сердце давно пошаливает, — сказал Лорд. — Может остановиться в любую минуту, насколько мне известно.

— Он очень трепетно относится к своему здоровью, — сказал молодой Льюис.

В это самое время мистер Тревис осторожно сидел в свой старенький «Даймлер», имевший необычайно мягкий ход. Шофер доставил его к дому, окна которого выходили на тихий сквер. Заботливый камердинер помог ему снять пальто, и мистер Тревис прошел в библиотеку, где в камине на углях уже плясали синеватые языки пламени. Его спальня находилась в соседней комнате, поскольку, заботясь о своем сердце, он давно не поднимался выше первого этажа.

Опустившись в кресло перед камином, мистер Тревис подвинул к себе поднос с письмами.

Мысленно он все еще продолжал развивать тему, кратко обрисованную им в клубе.

«Возможно, именно сейчас, — думал мистер Тревис, — некая драма... некое убийство находится в стадии приготовления. Если бы я решился написать одну из тех развлекательных историй о кровавом преступлении, то непременно начал бы с того, что некий пожилой джентльмен сидел перед ками-

ном и распечатывал свою почту... приближаясь, без ведома для себя, к той самой нулевой точке...»

Разрезав конверт, он извлек письмо и рассеянно смотрел на исписанный лист бумаги.

Внезапно выражение его лица изменилось. Он словно вернулся из мира фантазии в реальный мир.

— О боже, — сказал мистер Тревис. — Какая досада! Какое исключительно неприятное известие! После столько лет!.. Да, придется менять все мои планы.

«ДВЕРЬ ОТКРОЙ! — ПОЛНО ЛЮДЕЙ»¹

11 января

Мужчина, лежавший на больничной койке, слегка пошевелился и издал болезненный стон.

Дежурившая в палате сестра встала из-за стола и подошла. Она поправила подушки и устроила его поудобнее.

¹ «Here is the Church and here is the Stepple,
Open the door and here are the people».
«Вот церковь, башенка над ней,
Дверь открой! — Полно людей» —

детский «зримый» стишок, которым дети зачастую изводили взрослых, — пальцы сплетаются вместе, изображая крышу церкви, потом поднимаются указательные пальцы — это колокольня, при словах «Дверь открой» разводятся большие пальцы, и там, оказывается, есть люди, то есть сложенные внутрь пальцы.

Ангус Мак-Виртер ворчливо пробормотал что-то в знак благодарности.

Все его существо переполняли чувства возмущения и горькой досады.

К этому времени все должно было уже кончиться. Он уже должен был избавиться от всего этого! Будь проклято чертово дерево, которому вздумалось вырасти на склоне скалы! Черт побери тех услужливо-назойливых влюбленных, которые не побоялись назначить свидание на скале холодной зимней ночью...

Если бы не они (и не дерево!), то все уже закончилось бы, — ледяная глубина воды, возможно, краткое бессознательное сопротивление и, наконец, забвение... конец некой бесполезной, никчемной и неудавшейся жизни.

И где же он оказался вместо этого? Какая нелепость! Почему он должен лежать на больничной койке со сломанным плечом и с перспективой предстать перед городским судом за преступную попытку самоубийства?

Проклятие! Разве он не имеет права распоряжаться собственной жизнью?

Если бы ему удалось осуществить задуманное, то, возможно, его похоронили бы надлежащим образом по христианскому обряду как умалишенного.

Разумеется, умалишенного, как же иначе! Хотя он никогда не поступал более здраво. И это самоубийство было самым логичным и разумным поступком, который мог сделать человек, оказавшийся в его положении.

Он скатился на дно жизни, тело его постоянно мучили какие-то болезни, жена бросила его ради другого. Без работы, без семьи, без денег, лишен-

ный здоровья, лишенный даже надежды... Разумеется, из такого ахового положения есть единственный возможный выход...

А вместо этого он лежит в этой смехотворной позе в больничной палате. И возможно, вскоре явится некий лицемерный чиновник с набожными увещеваниями и будет настраивать его на благоразумное отношение к некоему предмету потребления, который принадлежит только ему и никому другому, поскольку это его собственная жизнь.

Он раздраженно фыркнул. Его захлестнула волна гнева.

Сиделка вновь подошла к нему. Это была молодая рыжеволосая девушка с добрым и довольно безучастным лицом.

— Вам очень больно?

— Нет, не очень.

— Может, дать вам снотворное?

— Спасибо, обойдусь.

— Но...

— Неужели вы думаете, что меня мучает боль в плече или бессонница?

На лице девушки появилась мягкая, немного снисходительная улыбка.

— Доктор сказал, что снотворное вам не помешает.

— Мне плевать, что сказал ваш доктор.

Она расправила салфетку на тумбочке и подвинула стакан лимонада к нему поближе. Мак-Виртер сказал слегка пристыженно:

— Извините меня, похоже, я излишне груб.

— Не беспокойтесь, все в порядке.

Его раздосадовало, что девушку совсем не задела его вспышка. Ничто не могло пробить броню ее

снисходительного равнодушия. Она не воспринимала его как человека, в данном случае он был всего лишь пациентом.

— Проклятие, — сказал он. — Во всем виноваты эти проклятые спасатели...

— Успокойтесь, не надо так говорить, — с упреком сказала она. — Вот это уже действительно не слишком любезно с вашей стороны.

— Не слишком любезно? — с горькой насмешкой воскликнул он. — Черт побери! Может, мне еще поблагодарить их?!

Она спокойно сказала:

— Утром вы почувствуете себя гораздо лучше.

— Вы, сиделки... — с тихим раздражением буркнул он. — Вы не люди, вы всего-навсего сиделки! Вот вы кто!

— Поймите же, мы знаем, что лучше для вас.

— Да, именно это и доводит человека до бешенства. Все всё знают — и вы, и доктора, все в этом мире! И все постоянно вмешиваются! Словно они действительно знают, что лучше для других людей. Я пытался покончить с собой. Вам ведь это известно, не так ли?

Она кивнула.

— Мне захотелось прыгнуть с этой чертовой скалы, и это мое личное дело, оно никого не касается. Я покончил счеты с жизнью. Я потерял все и желал только смерти.

Тихо прищелкнув языком, она посмотрела на него рассеянно-сочувствующим взглядом. Это был всего-навсего очередной пациент. И ее умиротворяющая миссия состояла в том, чтобы дать ему выговорить, выплеснуть накопившееся раздражение.

— Почему я не вправе покончить с собой, если

я сам хочу этого? — требовательно спросил Мак-Виртер.

— Потому что это плохо, — совершенно серьезно сказала сиделка и с сомнением посмотрела на него. Ее собственные убеждения остались непоколебимыми, но ей явно не хватало слов, чтобы объяснить свой ответ. — Э-э... я имею в виду, — неуверенно продолжила девушка, — самоубийство — большой грех. Бог дал вам жизнь, и вы должны жить, независимо от того, хотите вы этого или нет.

— Почему вы так решили?

— Ну, ведь у вас, наверное, есть близкие и родные, которые нуждаются в вас.

— Ошибаетесь. О моей смерти в этом мире не заплакала бы ни одна живая душа.

— У вас нет родственников? Ни матери, ни сестер — никого?

— Никого. У меня была жена, но и она ушла к другому. И поступила, как я считаю, исключительно благоразумно! Она поняла, что я полный неудачник.

— А друзья? Неужели у вас нет друзей?

— Нет, никого у меня нет. Я стал замкнутым и необщительным типом. Послушайте, я кое-что расскажу. Когда-то я был веселым и открытым парнем. У меня была хорошая работа и симпатичная жена. Потом произошла одна дорожная авария. Машину вел мой шеф, а я ехал вместе с ним. Он попросил меня подтвердить, что на момент аварии скорость машины не превышала тридцати миль. Но это было не так. Мы шли примерно на пятидесяти. В сущности, никто особо не пострадал, и мое свидетельство только помогло бы ему получить страховку. Короче говоря, я отказался подтвердить его слова. Это была бы ложь. А я не хотел лгать.